

УДК 82.0

Соловьёва Н.В.
Московский государственный областной университет

**ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О СТРУКТУРЕ, СОДЕРЖАНИИ И ФОРМЕ СКАЗКИ
(ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

N. Solovyeva
Moscow State Regional University

**EVOLUTION OF CONCEPTUAL APPROACHES TO THE STUDY
OF THE FAIRY TALE FORM, STRUCTURE AND CONTENTS**

Аннотация. В статье исследуются наиболее значимые направления в изучении сказки в России и за рубежом. Автор изучает взгляды представителей мифологической, антропологической и исторической школ в фольклористике, рассматривает теорию заимствования литературных сюжетов и анализирует результаты классификации и каталогизации фольклорного материала. Сказка становилась объектом исследования специалистов в области психоанализа, гендерной лингвистики и социолингвистики. В статье нашли отражение наиболее интересные примеры интерпретации сказочного материала. Автор прогнозирует рост интереса к сказке в связи с изменениями культурных и идеологических установок на каждом отдельно взятом этапе развития общества.

Ключевые слова: сказка, мифология, сюжет, структура, классификация, символ.

Abstract. The main conceptual approaches to the study of the fairy tale in Russia and abroad are shown in the article. The author studies the conceptual viewpoints of the representatives of the folklorist, anthropologist and historicist approaches, the theory of the literary plot migration and the results of the fairy tale classification and cataloging. The fairy tale has been the object of research for specialists in psychoanalysis, sociolinguistics and genderlinguistics, the most interesting examples of the fairy tale interpretation from these viewpoints are included in the article. The author predicts the growth of interest in fairy tales studies due to the cultural and ideological changes which take place in the society at every stage of its development.

Key words: fairytale, mythology, plot, structure, classification, symbol.

Началом изучения сказки в России и за рубежом считается XIX век. Зарождение научного интереса к этому жанру совпадает с расцветом романтизма в философии, науке и искусстве. В идеалистической романтической философии бытовало убеждение, что история народа не определяется волей отдельных личностей, в ней проявляется «дух» народа, который выражается в коллективном творчестве, в том числе мифологии – ядре, из которого возникли сказка, эпос и другие виды народной поэзии.

Среди немецких «романтиков», занимавшихся собиранием и научным анализом сказок, выделяются братья Вильгельм и Яков Гримм, вдохновлённые работами философа и писателя Д.Г. фон Гердера и ставшие основоположниками мифологической школы изучения фольклора [5, с. 18].

«Романтики» подчёркивали существование тесной связи науки о мифологии и языкоизучания, при исследовании фольклора стали использовать сравнительно-исторический метод, первоначально разработанный применительно к изучению языка. Начав с изучения немецкого фольклора, Я. Гримм позднее занялся реконструкцией единой мифологии древних индоевропейцев. Стремясь выявить древнейшие черты сказок и сказаний, учёный и его последователи анализировали отражённые в этих произведениях религиозные представления.

В России, как и в Германии, «мифологическая школа» стала первым этапом развития научной фольклористики. Русская мифологическая школа анализировала сказки как материал, необходимый при изучении мифов, и рассматривала сказки как развитие мифов. Эта точка зрения наиболее полно выражена в трёхтомном исследовании А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (1866–1869). Он полагал, что уже в древности в верованиях была определённая система. По утверждению А.Н. Афанасьева, целостная система мифологических представлений выстраивается на основе простейших оппозиций, обусловленных эмоционально-чувственным восприятием (свет – тьма, тепло – холод) [1, с. 21-41].

Во второй половине XIX в. с изменением социально-экономических условий жизни в Европе и развертыванием колониальной политики европейских государств вопросы политической и культурной связи с внеевропейскими государствами приобретают особое значение. Стремительно возрастает научный интерес к культуре и искусству Азии, Африки, появляется необходимость обобщения собранного фактического материала. Так, представление о том, что сходство сюжетов индоевропейских сказок объясняется их общими корнями, оказывается несостоительным, поскольку сходные мотивы и сюжеты обнаруживаются и у неиндоевропейских народов. Попытка объяснить это сходство была предпринята немецким учёным Т. Бенфеем, издавшим сборник индийских рассказов «Панчтантра» в переводе на немецкий язык и указавшим в предисловии к сборнику на сходство санскритских сказок со сказками европейских и неевропейских народов. Сходство сюжетов исследователь объясняет их заимствованиями, происходившими в процессе культурно-исторических связей между народами. В истории науки теория Т. Бенфея получила название «теории заимствования», «миграционной теории» или «теории странствующих сюжетов» [4].

Несмотря на влияние теории заимствования на фольклористику, она восприни-

малась и критически: в этой теории учитывалось лишь сюжетное сходство легенд, былин, сказок, и полностью игнорировалась художественная форма. Исследователи фольклора сталкивались с многочисленными случаями совпадений в творчестве народов, не связанных культурно-историческими контактами и так далеко отстоявших друг от друга географически, что заимствования были маловероятными. Шотландский учёный Э. Лэнг предлагает иную гипотезу объяснения сходства сюжетов и мотивов у разных народов. Согласно Э. Лэнгу, все народы проходят сходные пути развития, поэтому народная поэзия, как выражение коллективного творчества, самозарождается и развивается сходным образом. Теория, высказанная Э. Лэнгом, получила название «теории самозарождения», а школа – «антропологической» [1, с. 21-41].

Антропологическая школа придавала большое значение элементам ранних культур в народной поэзии. Видным представителем антропологической школы в Британии стал Дж. Фрэзер, подчёркивавший значение магии, игравшей, по его убеждению, огромную роль в первобытных обрядовых действиях, связанных с ними песнях и других видах фольклора.

В Германии антропологическая школа представлена трудами психолога В. Вундта и фольклористов Л. Лейстнера и Ф. фон-дер-Лейена. По гипотезе Людвига Лейстнера, основные сказочные и фольклорные мотивы возникают из снов. Он пытался выявить взаимосвязь между повторяющимися символическими снаами и фольклорными мотивами, собрав в подтверждение своей гипотезы обширный фактический материал [6, с. 11].

В России антропологическая школа получила развитие в трудах А.Н. Веселовского, предпринявшего попытку установить закономерность развития поэзии на начальной стадии человеческой культуры, когда не выделялись отдельные виды искусства, а само оно было тесно связано с практической деятельностью человека и его религиозно-магическими представлениями. Учёный

рассмотрел динамику развития поэзии к постепенной дифференциации родов (эпоса, лирики и драмы) и их видов, освобождения от «обрядово-мифологического комплекса» [4].

Одновременно с антропологическими исследованиями продолжилось изучение сказок и в рамках теории заимствования. В понимании природы сказки и закономерностей формирования и распространения отдельных сюжетов и их типов, возникновения и варьирования текстов сказок большую роль играет сравнительно-историческое изучение, которое невозможно без систематизации поистине необъятного фактического материала. Первые удачные попытки классификации и каталогизации сказок были предприняты учёными финской школы фольклористов К. Кроном и А. Аарне, которые считали своей задачей установление древнейшей «праформы» каждой сказки, её «прадороги», уточнение путей её миграции по формальным признакам (географо-исторический метод).

Так, К. Крон предпринял попытку систематизации фольклорного материала по этнографическому принципу. Он разработал классификацию сказок, распределив их по четырнадцати группам и подгруппам, внутри которых он поместил сюжетные типы, пронумеровав их. Эта классификация положила начало новому направлению в фольклористике, однако была неполной, поскольку не отражала существующее в сказках структурное и семантическое разнообразие, межсюжетные связи между ними [2, с. 118].

Классификацию К. Крона дополнил один из его учеников А. Аарне, составивший «Указатель сказочных типов», ставший авторитетным пособием по систематизации сюжетных схем. В основу систематики Аарне положил сказки европейских народов и подразделил их на три группы:

- 1) сказки о животных;
- 2) собственно сказки, которые включают: волшебные сказки, легендарные сказки, новеллистические сказки и сказки о глупом черте (великане);
- 3) анекдоты.

Относящиеся к каждой группе сказки объединены в гнезда по тематическому признаку: у каждой сказки (не только целостного рассказа, но и отдельного мотива или эпизода) есть порядковый номер. В нумерации оставлены пропуски для внесения новых сюжетов [2, с. 118].

Каталог А. Аарне получил мировое признание и постоянно дополнялся. В 1927 г. появляется указатель сказочных мотивов народов мира С. Томпсона, включивший все дополнения и переведённый на английский язык. В указателе Аарне-Томпсона отражён переход от сравнительного анализа международных сюжетов к индивидуальному анализу сюжетов национального фольклора.

Одним из наиболее влиятельных направлений русской фольклористики конца XIX – начала XX вв. стала «историческая школа». Представители этого направления изучали русский фольклор, опираясь на отечественную историю, уточняли условия создания устнopoэтического произведения, выявляли исторические события, отражённые в нём. Анализируя памятники древнерусской письменности, В.Ф. Миллер, Б.М. и Ю.М. Соколовы обнаружили аналоги былин и исторических песен и разработали историческую географию русского эпоса. Былины и исторические песни приверженцы исторической школы рассматривали как своеобразную устную летопись, несовпадения исторических событий и содержания произведений они объясняли искажениями текста в процессе многократного воспроизведения [1, с. 21-41].

Заметим, что и сейчас исторический и социологический подходы не теряют актуальности и заслуживают внимания. Исследователи (Дж. Зайпс, А. Нитчке, Г. Кало, Э. Шерф и др.) полагают, что народные сказки отражают социальное устройство и проблемы общества в определённую историческую эпоху. Рассуждая о народных сказках феодальной и докапиталистической эпохи, Дж. Зайпс подчёркивает, что сказки последовательно отражают ценности и уклад патриархального общества, монархии и абсолютизма. Литературная сказка адресована образованным

слоем общества и отражает культурные ценности и представления, которые общество стремится привить подрастающему поколению [11, с. 6-8].

Современные исследования сказок опираются и на структуралистский подход, впервые предложенный в статьях А.И. Никифорова и знаменитой книге В.Я. Проппа «Морфология волшебной сказки» (Пропп 1928). Рассматривая сюжеты волшебных сказок, выбранных по указателю сюжетов Аарне-Томпсона, В.Я. Пропп обнаруживает, что составляющие их мотивы могут быть обобщены в ограниченное число действий-функций, приписываемых ограниченному числу персонажей. В общей сложности 32 функции (от отлучки и недостачи до наказания и свадьбы) и 7 персонажей (антагонист, даритель, помощник, царевна, отправитель, герой и ложный герой) образуют структуру метасюжета волшебной сказки. Работа В.Я. Проппа показывала принципиально ограниченный набор элементов сказки и правил их действия, делая анализ волшебной сказки системным и уподобленным лингвистическому анализу.

Сказки становятся объектом исследования специалистов в области психоанализа. Так, З. Фрейд одним из первых обратил внимание на символическую природу сказки. По убеждению учёного, сказка, подобно мифу или легенде, обращена к наиболее примитивным частям психики человека. Сказки призваны выполнять три функции: функции связи, трансформации и посредника. Они связывают первичные, бессознательные процессы и вторичные процессы сознательного мышления, трансформируют бессознательные фантазии в структурированное повествование, которое «озвучивает» в символической форме голос желаний, служат посредником между телесными и социальными функциями [3].

Как и З. Фрейд, К. Юнг признавал связь мифологии и бессознательного, однако понимал эту связь иначе. Мифология и сказки соединяются у него с идеей архетипа, т. е. с коллективно-бессознательным слоем человеческой психики. Заимствованным из пла-

тонической традиции термином “архетип” К. Юнг обозначил образы, бытующие в мифологии, сказках, снах и фантазиях. Архетипы, конечно, связаны с наиболее фундаментальными потребностями и наклонностями человека, а корнями уходят в глубины органических и генетических структур живой материи. Именно благодаря такой глубочайшей укоренённости архетипы оказываются универсальными, повсеместно распространёнными первоэлементами психики и культуры. К. Юнг полагал, что по сказкам можно пре-восходно исследовать анатомию психики человека [7, с. 569-587].

Сторонники исторического и социологического подходов к изучению сказок отмечают, что эпоха, условия жизни в обществе и социальные роли его представителей не могут не отражаться во вновь появляющихся произведениях или в интерпретации уже существующих. Всё более актуальным становится так называемый «феминистский подход» в изучении сказки, в рамках которого исследуется отражение места женщины в предметном мире и сюжетно-персонажной структуре сказок.

Объектом исследования сказок с позиций феминизма выступают, как правило, классические сборники народных сказок, предметом исследования становятся вопросы равенства полов в обществе, изучается влияние, которое сказки оказывают на процесс социализации и воспитания детей в культурных традициях общества.

В работе «Феминистский подход к интерпретации волшебных сказок» К. Стоун отмечает, что сказки не позволяют женщинам осознать их личностный потенциал [10, с. 42-49]. Исследователи М. Либерман и К. Роу, разделяя и развивая эту мысль, подчёркивают пагубное влияние, которое инертные, беспомощные и покорные судьбе героини сказок оказывают на формирование представлений о роли женщины в обществе. Мир сказок отражает устои патриархального общества, в котором главное предназначение женщины – создание семьи [9, с. 217].

Несомненный интерес вызывает работа

Р. Боттигхаймер, анализирующая речь персонажей в сказках братьев Гримм. Исследователь указывает на взаимосвязь между половой принадлежностью и речью героев: положительные герои и отрицательные героини высказываются часто, положительные героини, как правило, молчат. Глаголы в речи образуют своеобразную иерархию в зависимости от активности действия: глагол “ask” ассоциируется с речью мужчин, глагол “answer” – с речью женщин. Р. Боттигхаймер связывает результаты исследования с тем обстоятельством, что в XIX в., т. е. в период составления сборника, в немецком обществе в женщине высоко ценились такие качества, как молчаливость и уступчивость [8, с. 115-119].

Таким образом, в настоящей статье отражены наиболее значимые направления в изучении сказки. На протяжении двух столетий она становилась объектом исследования фольклористов, этнографов, антропологов, лингвистов, психологов, социологов, причём представители каждого научного направления предлагали собственную интерпретацию сказочного материала. Можно прогнозировать дальнейший рост интереса к структуре, содержанию, форме, тематике и типологии сказок, поскольку взгляды на то или иное явление – результат культурных и идеологических установок на определённом этапе развития общества. Человек меняется, вместе с ним меняются сказки и их видение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Азадовский М.К. История русской фольклористики. Том 1. – М.: Учпедгиз, 1958. – 345 с.
2. Ким А.А. О некоторых способах классификации сюжетов и героев народных сказок// Вестник ТПГУ. – 2006. – Вып. 1 (52). Серия «Гуманитарные науки» (История). – С. 117-120.
3. Колакоглу К. Сказочный проективный тест// Журнал практической психологии и психоанализа. – 2003. – Вып. 4. [Электронный ресурс]. – URL: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2945> (дата обращения: 09.08.2012).
4. Литературная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/leb/leb-7751.htm> (дата обращения: 22.08.2012).
5. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 407 с.
6. Современная западная философия: Словарь. – 2-е изд. – М.: ТОН-Остожье, 1998. – 544 с.
7. Энциклопедия глубинной психологии. Том 1. Зигмунд Фрейд: жизнь, работа, наследие. – М.: ЗАО МГМенеджмент, 1998. – 800 с.
8. Bottigheimer Ruth. Silenced Women in the Grimms' Tales: the “Fit” Between Fairy Tales and Their Historical Context. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 1986. – 332 p.
9. Rowe Karen E. Feminism and Fairy Tales. – NY: Rutledge, 1986. – 288 p.
10. Stone Kay F. Feminist Approaches to the Interpretation of Fairy Tales. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 1986. – 332 p.
11. Zipes Jack. Fairy Tales and The Art of Subversion. – NY: Rutledge, 1983. – 214 p.